

Актеры тянулись в кабинет один за другим, зажатые и испуганные. Отыграв короткую сцену, каждый вылетал за дверь под градом отборной ругани. Под конец режиссёр Ван рассвирепел окончательно. Со звоном швырнув чашку на пол, он рявкнул:

— И это, блядь, называют актерами?!

В наши дни пробиться на роль — задача не из легких, но и режиссерам найти толкового исполнителя не проще. Казалось бы, все кандидаты — выпускники театральных вузов с профильным образованием. Ван вспоминал свои молодые годы, когда он еще только начинал работать на площадке: камеры были примитивными, грим — грубым, а свет выставляли наобум. Но актеры той эпохи умудрялись вдыхать жизнь в каждый кадр, создавая шедевры, которые и сегодня, в век цифровых технологий, считаются непревзойденной классикой. А нынешнее племя? Чему их только учат в этих институтах! Дикция отвратительная, мимика картонная. Смазливые пустышки, которые только и умеют, что позировать перед объективом, выискивая рабочий ракурс. Им бы не в кино играть, а на обложках глянца красоваться.

Будь его воля, Ван давно бы утвердил на роль проверенного мастера старой школы. Но персонаж по сценарию — двадцатилетний холеный красавец. Совместить в одном человеке молодость, яркую внешность и глубокий драматический талант — задача почти невыполнимая. Те редкие счастливики, у кого это получалось, давно ушли в большое кино, мгновенно взлетели на Олимп и взвинтили гонорары до небес. Сериал «Похищение тайны» насчитывал уже более сорока серий и близился к финалу. Бюджет трещал по швам: из-за непредвиденных пересъемок съемочная группа и так понесла колоссальные убытки. Откуда взять миллионы на капризную звезду?

Ван выхватил из рук испуганного ассистента таблетку от давления и запил ее остывшим чаем. Дикая пульсация в висках немного утихла. Осознав тщетность своих мечтаний, он обреченно вздохнул и спросил:

— Кто там следующий?

— Ся Гуан, — негромко отозвался второй режиссер. — Его агент уже связывался с продюсерами. Обещал сделать хорошую скидку на гонорар.

Для нищающего проекта это было весомым аргументом. Режиссёр Ван цыкнул зубом, быстро сообразив, откуда такая щедрость. Ся Гуан прославился после сериала «Божественный меч Небесного дракона», но с тех пор не закрепил успех ни одной серьезной ролью. Последнее время он держался на плаву исключительно за счет развлекательных реалити-шоу. Такие проекты дают быстрый приток фанатов, но эта популярность мимолетна. Ся Гуан хоть и числился в любимчиках публики, но втайне паниковал. Ему кровь из носа требовался серьезный, качественный проект, чтобы доказать свою состоятельность как актера.

На удивление, Ся Гуан играл сносно — во всяком случае, на голову выше тех бездарей, что прошли перед ним. Для пробы выбрали сцену объяснения с героиней второго плана. По сюжету Дучжун делает девушке предложение, но та, уже тайно влюбленная в главного героя,

мягко ему отказывает. Дучжун требует объяснений, она молчит, но в конце концов герой догадывается о правде. Оскорбленный до глубины души, он теряет рассудок от ревности и клянется убить соперника.

Отыгрывать этот эмоциональный надрыв раз за разом для партнерши было сущим мучением, но режиссёр Ван не видел иного выхода. Сроки поджимали, новому актеру придется вливаться в процесс мгновенно. Разве могли справиться с такой нагрузкой те бездари, которые даже текст запомнить не удосужились? Ся Гуан хотя бы не скатывался в бессмысленный ор. Да, он все еще слишком заботился о том, как выглядит в кадре, стараясь сохранить лицо прекрасного айдола, но гнев и отчаяние обманутого мужчины передать сумел. Ван закурил, молча наблюдая за сценой. Пожалуй, это было лучшее из всего, что он сегодня видел, однако восторга режиссер все равно не испытывал.

Изображая ярость, Ся Гуан кричал до хрипоты, неистово жестикулировал и в порыве чувств взлохматил идеальную укладку. Закончив выступление, он поймал ободряющий взгляд своего агента и наконец смог перевести дух.

В этот момент он почему-то вспомнил своего прежнего наставника, Сунь Ханцина. Тот разительно отличался от его нынешнего агента, забивавшего каждый день коммерческой шелухой. Ханцин заставлял его учиться. В те годы Ся Гуан уже обрел известность, но рекламных контрактов и корпоративов у него было в разы меньше, чем у коллег по цеху. Денег вечно не хватало, а его гоняли по классам: заставляли оттачивать сценическую речь, актерское мастерство, пластику и этикет. Тогда Ся Гуан люто злился, считая, что Ханцин сознательно лишает его легкого заработка. Но теперь, оставшись один на один с жесткими требованиями индустрии, он понял всю ценность той школы...

Режиссёр Ван постучал ручкой по столу, давая понять, что прослушивание окончено, и жестом отправил его ждать в коридор.

— Ну как? — шепнул подошедший второй режиссер.

— Сойдет, — нехотя буркнул Ван. Морщина между его бровей так и не разгладилась — игра Ся Гуана, излишне надрывная и суетливая, оставила неприятный осадок. А уж эта его привычка эффектно расширять глаза посреди бурной ссоры... Режиссер в очередной раз убедился в профнепригодности смазливых мальчиков, которые даже в гневе боятся испортить рабочий ракурс. Ван устало вздохнул:

— Передай, чтобы новых людей не регистрировали. Посмотрим тех, кто уже пришел. Если никто не зацепит — утвердим этого.

Помощник выскочил за дверь и вскоре вернулся, ведя за собой высокого, стройного юношу. Тот шел против света, и его силуэт, очерченный мягким сиянием, казался безупречным. Когда он приблизился и попал под свет софитов, Ван мысленно ахнул: этот парень превосходил Ся Гуана по всем статьям.

«Понятно, очередной красавчик без имени и флага. Этот еще безнадежнее Ся Гуана», — уныло подумал режиссер. Ван мельком глянул на часы и, даже не удосужившись спросить имя претендента, постучал карандашом по краю стола:

— Начинайте.

Юань Шан лишь вежливо кивнул. Не тратя времени на дежурные приветствия, он окинул взглядом площадку, небрежно отбросил сценарий на стул и уверенно направился к камерам. Сунь Ханцин, замерший на краю павильона, приподнялся на цыпочках и застыл от изумления. За те секунды, что парень сделал всего несколько шагов, его образ преобразился до неузнаваемости.

Слегка вскинув подбородок, он шел вальяжной, исполненной аристократического превосходства походкой. Приблизившись к актрисе, Юань Шан не стал сразу выпаливать заученный текст, а изящным, неспешным жестом протянул ей руку.

Е Чжэнь к этому моменту едва держалась на ногах. Отыграв больше десятка дублей под аккомпанемент режиссерского крика, она вымоталась физически и морально. К тому же Ся Гуан в предыдущей сцене так грубо схватил ее за запястье и швырнул на диван, что рука до сих пор ныла. Актриса внутренне приготовилась вяло отбыть номер, ожидая очередного пафосного монолога в пустоту. Но Юань Шан подошел к ней с такой неподдельной серьезностью, что она невольно подняла голову. Встретившись с его взглядом, полным нежности и обожания, Е Чжэнь обомлела. Вся его надменность словно испарилась, уступив место трепетному чувству, предназначенному лишь ей одной. Смутившись, она робко вложила свои пальцы в его ладонь.

Юань Шан мягко увлек ее за собой. Шепнув едва слышное «прошу прощения», он осторожно приобнял ее за талию, склонился к самому лицу и тихо произнес:

— Чучу, выходи за меня.

Простая реплика из сценария прозвучала как тихий, вырвавшийся из самой глубины души вздох — так шепчут слова любви, когда чувства переполняют сердце. Режиссёр Ван так и застыл с открытым ртом. С его лица мгновенно слетела скука. Вглядевшись в лицо юноши, он поразился: в глазах Юань Шана плескалась такая бездонная, искренняя любовь, в которой можно было утонуть без остатка. Чувство казалось настолько осязаемым и естественным, что не будь вокруг камер и толпы зевак, Ван безоговорочно поверил бы, что перед ним настоящие влюбленные. И тут режиссера осенило: он понял, чего именно не хватало Ся Гуану. Тот показал лишь уязвленное самолюбие и ярость предательства, совершенно позабыв, что его персонаж до безумия любил женщину, которая нанесла ему этот удар.

Е Чжэнь тоже на мгновение потеряла связь с реальностью и опомнилась лишь тогда, когда прозвучали заветные слова. Вырвавшись из убаюкивающего тепла его взгляда, она со смесью боли и нерешительности отстранилась и тихо выдохнула:

— Прости...

На лице Юань Шана отразилось такое искреннее недоумение и глубокая обида, что у Е Чжэнь защемило сердце. На миг ей показалось, что она действительно разбивает жизнь любящему ее человеку. Мучаясь от вины, она пятилась назад, раз за разом лепеча извинения. Но Юань Шан стремительно шагнул вперед, перехватил ее за плечи и, заставив посмотреть на себя, хрипло спросил:

— Почему?

Е Чжэнь вздрогнула, однако хватка его рук оказалась на удивление бережной — он держал ее крепко, но не причинял боли. Приблизившись, она почувствовала, как мелко дрожат его пальцы.

Она подняла взгляд и мысленно ахнула: его глаза покраснели от подступающих слез!

Актриса окончательно погрузилась в сцену. Грудь сдавило тисками невыносимой тоски, дыхание перехватило, и слезы сами собой покатались по ее щекам. Последние дни Е Чжэнь никак не могла поймать нужное состояние, раз за разом заваливая дубли и выслушивая разносы от режиссера. Кто бы мог подумать, что случайный парень на прослушивании заставит ее рыдать по-настоящему! Наступил кульминационный момент ссоры. Но Юань Шан не стал кричать. Он бережно, но властно обхватил ладонями ее лицо и, заглядывая в самую душу, тихо спросил:

— Ответь мне... Это из-за Лян Пэнчэна?

Он не повышал голоса. Вся его ярость сквозила лишь в приглушенных, надтреснутых нотках и ледяном, пронзительном взгляде. В отличие от предыдущих кандидатов, исходивших криком, это выступление не оглушало децибелами, но режиссёр Ван мгновенно выпрямился в кресле. Его лицо сделалось предельно серьезным. Перед ним стоял настоящий Дучжун — баловень судьбы, выросший с золотой ложкой во рту. Рафинированный аристократ, эгоистичный и беспринципный, чье высокомерие было вьевшимся в кости кодом. Такой человек, даже столкнувшись с предательством, не опустится до базарной истерики. Но сыграть подобную сдержанность, не скатившись в безжизненную позу и самолюбование, — величайшее искусство.

Юань Шан справился с этой задачей филигранно. В нем не было фальши; казалось, он буквально растворился в роли, приковывая к себе все взгляды и заставляя ловить каждое движение. Ван завороченно наблюдал, как юноша с ледяной усмешкой отпускает Е Чжэнь и с пугающей решимостью тянется к бутафорскому пистолету на столе. Только тогда режиссер шумно выдохнул и скомандовал:

— Снято!

Впившись взглядом в юношу, Ван без обиняков спросил:

— Как тебя зовут?

Юань Шан мгновенно вышел из образа, и на смену буре эмоций вернулась привычная невозмутимость.

— Юань Шан.

— С оружием обращаться умеешь? — прищурился режиссер.

Поняв, к чему клонит собеседник, Юань Шан едва заметно улыбнулся:

— Научусь.

Вану пришлось по душе этот лаконичный ответ. На его суровом лице впервые за день появилось подобие одобрительной улыбки.

— Отлично. Утряси вопросы со своим расписанием. Девятого числа жду тебя на площадке. Выдели два дня до этого — нужно будет поработать с инструктором по стрельбе.

Агент Ся Гуана, сидевший среди ожидающих, так и подскочил на месте. Он отчаянно замигал второму режиссеру, пытаясь привлечь его внимание, но решение Вана обсуждению не подлежало. Возразить мэтру никто не посмел. Ся Гуан молча наблюдал за тщетной суетой своего импресарио. Поняв, что роль уплыла у них из-под носа, он крепко сжал губы и бросил долгий, тяжелый взор на Сунь Ханцина. Но тот даже не повернул головы в его сторону — все его внимание без остатка принадлежало Юань Шану.

И... все? Так просто?!

Сунь Ханцин пребывал в прострации. Он словно во сне подписал договор, согласовал график съемок и теперь молча вел машину на обратном пути, не в силах переварить случившееся. Когда Сун Мин поделился с ним инсайдом о прослушивании, он прямо предупредил: соперником будет Ся Гуан. Зная, сколько сил и времени он сам когда-то вложил в подготовку Ся Гуана, Цинхань в глубине души не верил в успех Юань Шана.

Но реальность преподнесла ему щедрый и ироничный сюрприз.

Машина плелась в плотном потоке. Остановившись на красный свет, Ханцин не выдержал и

повернулся к своему подопечному.

Юань Шан, поймав внезапное вдохновение, привалился к окну и увлеченно делал наброски в блокноте. Он использовал собственные длинные колени вместо планшета, а его сосредоточенное лицо в эти мгновения словно светилось изнутри.

И в этот миг Ханцин раз и навсегда дал себе клятву: он сделает этого парня звездой первой величины. Чего бы ему это ни стоило.

Времени до начала съемок «Похищения тайны» оставалось в обрез, и для Юань Шана начались дни бешеной, изнурительной работы.

Запись сингла была завершена, но пока шла работа над сведением звука, требовалось срочно отснять видеоклип. Бюджет, выделенный руководством «Четырех Морей» на дебютную пластинку новичка, оказался на редкость скромным. Львиная доля средств ушла на аранжировку и запись, так что на визуальный ряд остались сущие крохи. Попытаться выжать из этого масштабы голливудского блокбастера было бы глупо — результат вышел бы попросту убогим. Юань Шан сам предложил экономный вариант: арендовать штатный павильон компании, соорудить лаконичные декорации и привлечь к съемкам штатную техническую группу. Для начинающего исполнителя, за которым к тому же тянулся шлейф недавних скандалов, дешевизна могла сыграть на руку. Нарочитая скромность порой привлекает куда больше внимания, чем фальшивый пафос «клипов за миллионы долларов». Да и сам Юань Шан был убежден: главное в песне — музыка. Разве в восьмидесятые годы, во времена винила и кассет, великие исполнители не становились кумирами миллионов без всяких спецэффектов? Сегодня же шоу-бизнес погряз в мишуре, а подлинный талант обесценился, уступив место дешевым трюкам.

Сунь Ханцин осторожно приоткрыл тяжелую дверь павильона и тут же скользнул внутрь, плотно затворив ее за собой. Помещение заполняли мощные раскаты новой песни — трек крутили по кругу для синхронизации кадров. Сколько бы Ханцин ни слушал эту мелодию, его тело само начинало двигаться в такт. В полумраке студии горел лишь один яркий прожектор, выхватывая установленную в центре ударную установку. За барабанами сидел Юань Шан. Его бешеная энергетика и импровизация во время игры задавали тон всей площадке. Съемочная группа работала на пределе возможностей, ловя кураж. Оператор, обделенный от природы чувством ритма, замороженно двигался с камерой, нелепо дергая головой, словно заведенный гусь. На пике припева его лицо даже залил густой румянец от восторга.

Юань Шан не замечал ничего вокруг. Каждое его движение у барабанной стойки было выверено годами тренировок и казалось изящнее любого танца. Для съемок ему нанесли довольно яркий сценический грим: подведенные глаза и подчеркнутые скулы сделали его черты лица еще более точеными и хищными. В полумраке, поглощенный ритмом, он казался таинственным божеством, рожденным в лучах софитов.

За долгие годы работы в индустрии Сунь Ханцин ни разу не видел, чтобы рутинный съемочный процесс превращался в безумный, захватывающий праздник. Едва прозвучала команда «Стоп! Снято!», павильон взорвался аплодисментами. Уставшие, но счастливые люди обнимались и давали друг другу «пять». Ханцин с улыбкой шагнул навстречу Юань Шану. Тот вытирал пот салфеткой, когда к нему, бросив камеру, подлетел раскрасневшийся оператор и крепко обнял. Слегка опешив от такого напора, Юань Шан все же приобнял его в ответ. Оператор отстранился и во весь голос крикнул:

— Юань Шан, блядь! Если эта твоя «Погоня» не разорвет все чарты, я лично сожру свою шляпу!

— Твои слова да Богу в уши, — рассмеялся Юань Шан.

Он никогда не ограничивал себя рамками одного жанра. «Погоня» с ее мощным вплетением тяжелых гитарных риффов представляла собой то направление, к которому он пришел уже на закате своей прошлой жизни. Жэнь Пиншэну из-за ограниченных вокальных данных такой сложный материал никогда не давался. Кто бы мог подумать, что спустя столько лет Юань Шан споет эту вещь сам, осуществив давнюю мечту. Нет худа без добра.

На этапе монтажа и сведения его присутствие больше не требовалось. Вернувшись домой, Юань Шан быстро собрал дорожную сумку. Перед отъездом он набрал номер Юй Шуимяо, чтобы предупредить, что какое-то время будет недоступен из-за съемок.

Скандал с арестом ведущих актеров «Похищения тайны» гремел на всю страну, однако замену им искали без лишнего шума. Даже после проб в прессу просочились лишь смутные, противоречивые слухи. Юань Шан уезжал в спешке. Тётушка Сунь и тётушка Ю, искренне привязавшиеся к квартиранту, суетились вокруг него, охая и причитая. Не в силах удержать его, они принялись набивать его сумки баночками с домашними соленьями, переживая, что на съемочной площадке парень будет голодать.

С его отъездом просторный дом мгновенно опустел и словно лишился души.

Цинь Хо честно держал слово и почти не появлялся в особняке, стараясь не пересекаться с Юань Шаном. Но стоило ему переступить порог в этот раз, как его обдало могильным холодом. Те яркие, живые штрихи, которые Юань Шан привнес в строгий интерьер, исчезли без следа, убранные по шкафам, отчего дом вновь стал похож на склеп. Даже прислуга встретила хозяина унылыми, бесцветными лицами.

Цинь Хо нахмурился:

— Что у вас стряслось?

— Случилось? Да нет, ничего, — вздохнула тётушка Сунь, протягивая ему пиалу с горячим бульоном. — Господин председатель... а когда Сяо Юань вернется?

Цинь Хо понятия не имел, куда делся его жилец, но сама постановка вопроса его озадачила. Юань Шан прожил здесь без году неделю, а женщины, знавшие самого Цинь Хо много лет, уже изнывали от тоски по этому мальчишке. Для замкнутого и нелюдимого бизнесмена это было за гранью понимания. Неужели харизма — это врожденный дар, который невозможно приобрести за деньги?

На следующее утро перед уходом на работу тётушка Сунь всучила ему увесистый термос. На немой вопрос босса она коротко пояснила:

— Так ведь положено. У нас теперь так заведено.

«Заведено, значит...»

«Юань Шан и тут свои порядки установил».

Благодаря этой нехитрой заботе Цинь Хо впервые за долгое время не остался голодным. Затянувшиеся до двух часов дня совещания обычно превращали стандартные обеды из ресторанов в остывшую, неаппетитную массу, от одного вида которой тошнило.

Горячая, ароматная пшенная каша с ломтиками нежного хамона пришлась как нельзя кстати. Первый же глоток умиротворил его пустой желудок. Вечно занятый делами, Цинь Хо питался урывками и почти никогда не ел дома. Лишь сегодня он осознал, какими кулинарными талантами обладают его домашние помощницы.

В этот момент зазвонил телефон. Голос личного ассистента так и дрожал от нетерпения:

— Господин председатель, демо-версия нового сингла Юань Шана уже у вас на почте!

— Понял, — отозвался Цинь Хо. На сытый желудок настроение поднялось, навалилась приятная дремота. Он открыл ноутбук, запустил вложенный файл и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

Тишину кабинета нарушили первые, едва слышные аккорды. Мелодия захватывала с первых секунд — свежая, неизбитая, лишенная привычных попсовых штампов. Динамичный современный ритм переплетался с виртуозной партией скрипки, звучавшей дерзко и чувственно. Это вступление было написано настолько профессионально, что напоминало шедевры мировой классики в современной обработке. Цинь Хо блаженно зажмурился, чувствуя, как отступает напряжение прошедшего дня.

Зазвучал вокал. Чистый, глубокий мужской голос безупречно лег на сложную инструментальную подложку. Безукоризненная дикция, безупречное чувство ритма — исполнитель буквально ворвался в пространство, подчиняя себе разум слушателя. Эта песня была прямо в цель. Полные светлой грусти и жизненного опыта стихи рассказывали о вечном поиске себя, о погоне за призрачной мечтой, о потерях, обретениях и горьких расставаниях. От былой сонливости Цинь Хо не осталось и следа — он словно глотнул чистого спирта. Внутри затрепетало давно забытое, пьянящее чувство свободы. Он пытался сохранить холодную рассудочность, но на припеве в аранжировку ворвался яростный, бескомпромиссный металл, сметая любые барьеры.

Эта музыкальная лавина накрыла его с головой. Цинь Хо сдался. В конце концов, в кабинете он один — к чему притворяться? Бешеный темп выбивал из головы скопившуюся усталость и стресс. Нога сама собой отстукивала такт, а пальцы барабанили по подлокотнику. Когда стихли последние аккорды, он шумно выдохнул, чувствуя невероятную легкость, будто сбросил с плеч пудовый груз.

Проигрыватель автоматически переключился на следующий трек в демо-альбоме — тоже динамичную современную композицию. Однако разница была колоссальной.

Послушав новинку секунд двадцать, Цинь Хо поморщился от убожества аранжировки и фальшивых интонаций. Он не выдержал и вернул назад первый трек.

После нескольких повторов он поймал себя на том, что беззвучно подпевает, запомнив текст наизусть. Вчитываясь в строчки, он поразился глубине и зрелости поэтического слога. Это был шедевр.

Даже вращаясь на самой вершине шоу-бизнеса, Цинь Хо много лет не сталкивался с искусством такого масштаба. Потрясенный до глубины души, он перед очередным запуском песни заглянул в описание файла. Глаза его округлились. На экране черным по белому знаменовалось:

Слова: Юань Шан.

Музыка: Юань Шан.

Исполняет: Юань Шан.

Цинь Хо лишился дара речи. Три строчки с одним и тем же именем звенели оглушительным аккордом. Еще во время скандала с Жэнь Пиншэном вокруг саундтрека к фильму «Цзянху» он понял, что парень чертовски одарен. Но все прошлые восторги померкли перед мощью этого дебютного сингла.

Всплеск адреналина прояснил разум. Цинь Хо решительно нажал кнопку селектора и вызвал помощника.

Тот влетел в кабинет, где все еще грохотали барабаны «Погони». Секретарь так сиял, что даже позабыл о привычном страхе перед грозным боссом. Подбежав к столу, он выпалил:

— Господин председатель, вы тоже послушали?! Это же просто разрыв аорты! Я когда первый раз включил — чуть с катушек не съехал прямо в наушниках!

Цинь Хо остудил его пыл ледяным взглядом:

— Где сам Юань Шан?

— На съемках. Несколько дней назад уехал к режиссёру Вану в проект «Похищение тайны», — быстро доложил помощник, так и лучась восторгом. — Этот парень творит какие-то чудеса! Мало того что умудрился пройти самый сложный отбор у Вана, так еще и выдал такой музыкальный шедевр. А клип его вы видели? В смете на видеопроизводство заложено всего сто тысяч юаней, но картинка получилась невероятной!

Цинь Хо проигнорировал фанатские восторги подчиненного. Как прагматичный бизнесмен, он сразу понял: перед ним будущий хит, способный взорвать рынок. В его голове уже выстраивалась стратегия продвижения. Открыв недавнее соглашение с музыкальной компанией «Ураган», Цинь Хо долго изучал пункты контракта, после чего скомандовал:

— Придержите официальный релиз. Не запускайте массивную рекламу сразу. Пусть песня сначала разойдется естественным путем в течение недели.

Помощник мгновенно уловил суть плана и сделал пометку в планшете. Цинь Хо тем временем задумчиво добавил:

— Первый пакет треков для партнерства с «Ураганом» уже утвержден?

— Еще в процессе отбора, сэр.

— Отлично, — Цинь Хо резко припечатал ладонь к столу. — Включите «Погоню» в этот список. Она пойдет главным локомотивом.

Задуманная Цинь Хо стратегия «тихого старта» вовсе не исключала маркетинг. В современную эпоху глупо надеяться, что даже гениальное творение пробьет себе дорогу без чьей-либо помощи. Однако навязчивая, агрессивная реклама с первых секунд часто вызывает у аудитории лишь глухое раздражение. «Погоне» позволили явиться миру максимально органично.

«Океан» был крупнейшим музыкальным порталом страны. Ежедневно туда заливали терабайты новых треков сотни лейблов и независимых артистов. «Четыре Моря» владели на этой платформе популярными аккаунтами с миллионами подписчиков, и за их обновлениями пристально следила вся индустрия.

Имя Юань Шана появилось в карточке артистов лейбла без громких анонсов и фанфар. Поначалу этого никто даже не заметил.

Да, публика помнила недавний скандал с Жэнь Пиншэном, но карточка скромного дебютанта терялась среди профилей звезд первой величины. К тому же в его профиле сиротливо висел единственный трек с нулевыми показателями. Лишь самые дотошные меломаны, сутками прочесывающие новинки в поисках годности, лениво кликали по ссылке, чтобы заценить вступление.

Но стоило первым слушателям запустить трек, как в разделе комментариев началось настоящее безумие. Экран замелькал от обилия восклицательных знаков.

— Мать божья!.. Да ладно?!

— Это же чистый шедевр!

— В «Четырех Морях» там все долбанулись?! Почему эта пушка не висит на главной странице?!

— Сука, сижу на паре, слушаю в наушниках, нога сама в пляс пошла. Препода спалил и выгнал нахрен!

— Включил на колонках в офисе... Теперь весь отдел сидит и качает головами, как китайские болванчики!

— Кто этот монстр?! Лицо капец знакомое, а в профиле всего один трек!

— Да это же Юань Шан! Тот самый, который с Жэнь Пиншэном из-за саундтрека бодался. Блин, а я-то думал, он просто блатной выскочка... Прости меня, бро, за мои грязные мысли!

Музыкальные вкусы субъективны: кто-то фанатеет от джаза и блюза, кто-то признает лишь андеграундный фолк или тяжелый рок. Но существуют редкие, уникальные произведения, которые стирают любые жанровые границы и бьют точно в сердце каждого. Спустя всего два часа после релиза счетчик прослушиваний «Погони» перевалил за пять тысяч, вытолкнув трек в топ-лист платформы. Однако профессионалов индустрии поразила другая цифра — глубина удержания и процент повторных прослушиваний. Этот показатель превысил невероятные девяносто пять процентов!

На платформе «Океан» этот индекс отражал долю пользователей, которые после первого

прослушивания не переключили трек, а поставили его на репит. Девяносто пять процентов — цифра поистине астрономическая.

Отечественная эстрада давно переживала затяжной кризис, и даже признанные мэтры редко радовали фанатов качественным материалом. На портале планку в восемьдесят процентов преодолевали лишь золотые хиты прошлых лет либо единичные шедевры современности. Девяносто пять процентов могли означать лишь два варианта: либо лейбл нанял армию ботов для накрутки, либо эта песня на голову превосходит девять десятых всего содержимого музыкальной библиотеки.

В искусстве — будь то кино, литература или музыка — народное признание творит чудеса. Часто бывает так: зритель натывается на потрясающий самородок, который незаслуженно обходят вниманием официальные СМИ, и в нем просыпается жажда справедливости. Человек начинает кричать об этом на каждом углу. Если зажечь эту искру в тысячах сердец, рождается лавина, превосходящая любые бюджеты пиар-кампаний. Сила сарафанного радио сметает все преграды.

Сунь Ханцин был полностью поглощен заботами о быте своего артиста на съемочной площадке. График съемок выдался изнурительным. Лишь когда Юань Шан уснул на раскладном стуле в перерыве между дублями, у агента выкроилась свободная минутка. Он достал телефон, зашел в Weibo и обомлел: экран рябил от сотен тысяч уведомлений и отметок.

Сердце ушло в пятки — Цинхань решил, что стряслась новая беда. Но, перейдя по главной ссылке, он быстро понял истинную причину этого переполоха.

Официальный аккаунт платформы «Океан» с верифицированной синей галочкой опубликовал пост, прикрепив ссылку на трек и плачущий смайлик:

«Эй, @[Я_агент_Юань_Шана], ау! Наш хит недели — песня “Погоня”, где Юань Шан сам выступил и автором, и композитором. За четыре дня трек возглавил топы по репитам, отзывам и популярности! Но почему на других ресурсах тишина? Почему клип выглядит так, будто его снимали на коленке в подвале? Агент, очнись, прояви хоть каплю заботы! Нам безумно жаль Сяо Юаня [рыдает]».

Запись мгновенно влетела в тройку главных трендов недели. Количество репостов перевалило за шестьсот тысяч, а число прослушиваний трека уверенно перешагнуло отметку в несколько миллионов при среднем рейтинге 4,8 звезды. При этом в прессе не появилось ни одного оплаченного пресс-релиза от лейбла. Для индустрии подобное невнимание к выстрелившему релизу выглядело дико, и возмущенные фанаты устроили бунт в комментариях.

— Все, я теперь его фанат. Бедный парень, к нему в компании относятся как к пасынку! О чем вообще думает пиар-отдел «Четырех Морей»?!

— А-а-а, я тоже в любви! Это безумно красиво! [сердечки]

— Клип копеечный, но от Юань Шана за барабанами невозможно оторвать глаз. Зачем мучить установку? Постучи лучше по мне!

— Стоп, то есть он сам написал музыку? И на барабанах играет по-настоящему? Пальцы двигаются абсолютно профессионально, никакого фальшивого позирования!

—... Да и на скрипке он, похоже, играет сам.

— Я помню его старые выступления на шоу талантов, он там на гитаре лабал. И очень недурно!

— Снимаю шляпу перед этим гением.

— «Погоня» — просто разрыв. Лирика глубокая, со смыслом, а ритм настолько качает, что ноги сами несут на танцпол!

— Согласен. Если сравнить с новой песней Жэнь Пиншэна и Цзян Се, которая сейчас искусственно висит на первом месте по популярности, то по качеству они и рядом не валялись.

Термин «шедевр» замелькал в рецензиях авторитетных музыкальных критиков. На этот раз профессионалы использовали его без тени иронии. Создать запоминающийся, мгновенно западающий в душу мотив — редкий дар, а в случае с «Погоней» к музыкальной структуре невозможно было придраться. Сунь Ханцин читал эти отзывы с широко открытыми глазами. Он кликнул по плееру, и из динамика хлынули знакомые аккорды. Черт возьми, лейбл действительно выпустил трек в обход него!

Бюджетная серая студия, глухой темный фон — вот и весь антураж клипа. В кадре был только Юань Шан, поющий и сменяющий один инструмент за другим. Но этот минимализм парадоксальным образом лишь подчеркивал его магнетизм. Трагический надрыв мелодии в сочетании с текстом о тяжелом пути к мечте заставил слушателей сопереживать артисту. Люди плакали, восхищались и проникались глубоким уважением к молодому таланту.

Сунь Ханцин разрывался между восторгом и гневом. Он тут же набрал номер пиар-отдела лейбла и с ходу потребовал объяснений: почему сингл продвигается исключительно силами фанатов?

Руководитель департамента лишь загадочно усмехнулся:

— Не горячись, Ханцин. Все идет по плану. Загляни-ка лучше на международную платформу Paradise.

Агент озадаченно нахмурился. Открыв комментарии под клипом, он тут же наткнулся на свежий скриншот, вызвавший лавину обсуждений. На картинке красовался логотип Paradise и список ста лучших треков мира. Посреди бесконечной ленты из латиницы и иероглифов на

девятой строчке гордо высилась надпись на китайском: «Погоня» — Юань Шан.

— Да ладно, это же фотошоп!

— Не верю. Ребят, не позорьтесь, такие вбросы только хейтерам на радость.

— Сделано качественно, поржал, спасибо...

— Идиоты, это чистая правда! Вот вам прямая ссылка на сайт, зайдите и посмотрите! Там иностранцы в комментариях с ума сходят по этой мелодии и просят выпустить английскую версию!

Портал Paradise считался главным законодателем музыкальной моды на Западе. Его аудитория славилась редким консерватизмом и снобизмом: чарты безраздельно принадлежали англоязычным исполнителям. Азиатские артисты пробивались туда по праздникам, причем погоду делали корейские К-рор группы и японские проекты. Для китайской песни попадание в топ-10 было неслыханным триумфом, доступным лишь легендам сцены.

Сунь Ханцин как никто другой понимал масштаб произошедшего. Опустив трубку, он растерянно моргал. Значит, руководство «Четырех Морей» решило играть по-крупному и сделать ставку на Юань Шана?

Лента Weibo лопалась от признаний в любви. Счетчик подписчиков обновлялся каждую секунду, а под последними записями роились десятки тысяч комментариев. Даже во времена взлета Ся Гуана его бывший агент не испытывал ничего подобного. Ханцин почувствовал, как к горлу подкатил ком слез облегчения и благодарности. Он не знал, как выразить переполнявшие его чувства. Тихонько присев на корточки рядом со спящим Юань Шаном, он достал нож и принялся бережно, стараясь не шуметь, очищать для него яблоко.

Наконец «Четыре Моря» выкатили официальный пресс-релиз. И этот выстрел прогремел на всю страну.

«Погоня» продолжала штурмовать чарты Paradise, поднимаясь все выше. Ведущие СМИ подхватили эту сенсацию, развернув масштабную информационную кампанию. Китайские исполнители веками варились в собственном соку, безуспешно пытаясь пробиться на международный рынок, а местный слушатель традиционно благоговел перед авторитетом западных премий. Успех на Paradise в сочетании с агрессивным пиаром дал взрывной эффект: Юань Шан проснулся знаменитым. Из каждого утюга, из дверей каждого придорожного магазина теперь неслись раскаты его хита. Из-за отсутствия первоначальной раскрутки этот взлет воспринимался публикой как личная победа народных масс над закостенелыми правилами шоу-бизнеса. А поскольку Юань Шан сам написал и текст, и музыку, пресса быстро сменила ярлык «айдола-однодневки» на уважительное «музыкальный продюсер и композитор».

Пока одни праздновали победу, другие кусали локти. В кабинете Жэнь Пиншэна его помощница Цзоу Минь с замиранием сердца пролистывала главную страницу Paradise, а затем переключалась на внутренние форумы. Везде царило одно и то же имя — Юань Шан. У девушки на глаза наворачивались слезы от бессильной злобы. Совместная работа Пиншэна и знаменитого Цзян Се вышла одновременно с «Погоней». Они рассчитывали на легкую и триумфальную победу, но оказались растоптаны дерзким новичком. Никакие усилия фанатов и пиарщиков студии не могли сдвинуть Юань Шана с первой строчки. Масла в огонь подливали авторитетные критики, которые в издевательском тоне хоронили карьеру Пиншэна, заявляя, что старик исписался и ему пора на покой.

У Цзоу Минь тряслись руки. Ей хотелось написать гневную отповедь, но крыть было нечем. Обернувшись, она увидела Жэнь Пиншэна, который безмятежно листал свежую прессу, демонстрируя полное равнодушие к мирской суете. Девушке показалось, что весь мир несправедлив к этому благородному человеку. Заметив ее влажные глаза, Пиншэн мягко улыбнулся:

— Брось, А-Минь. Не принимай близко к сердцу эту мышиную возню. Слава преходяща. Все, что со мной происходит, — лишь предначертанный путь.

Цзоу Минь лишь вздохнула. Ей было до боли жаль его, но, побоявшись расплакаться при нем и разбередить раны, она поспешно шмыгнула носом и выбежала из кабинета.

Едва за ней захлопнулась дверь, Жэнь Пиншэн медленно снял беспроводной наушник. В крохотном динамике продолжал звучать чистый, гипнотический вокал Юань Шана. На репите стояла та самая «Погоня».

Убедившись, что Цзоу Минь не вернется, он достал второй телефон и быстро набрал номер своего импресарио.

— Алло? Есть возможность выйти напрямую на Юань Шана? Разузнай через свои каналы, будь добр.

— Учитель Юань!

— Доброе утро, учитель Юань!

— Господин Юань, вы уже позавтракали?

Осеннее солнце едва поднялось над горизонтом, воздух бодрил прохладой, а листья платанов

вдоль обочин подернулись золотом. Юань Шан шел по съемочной площадке мимо суетящихся людей. Рабочие, гримеры и даже коллеги-актеры наперебой здоровались с ним, заглядывая в глаза. Парень толком никого не знал в лицо, поэтому просто вежливо улыбался и кивал в ответ. И никто не смел обвинить его в звездной болезни.

— Ну что, господин великий композитор, — тихонько подтолкнул его локтем Сунь Ханцин. — Каково это — проснуться кумиром нации?

Несмотря на адский темп съемок «Похищения тайны», волна популярности «Погони» захлестнула и площадку. Когда в перерыве между дублями у кого-то из осветителей зазвонил телефон, разразившись взрывным припевом трека, Сунь Ханцин едва не пустился в пляс. Он сиял как начищенный медный таз и готов был запускать фейерверки при каждом упоминании песни, упрямо пытаясь заразить своим восторгом Юань Шана.

Тот лишь картинно закатил глаза и, проигнорив излияния агента, скрылся в гримерке. Переодевшись в исторический костюм, он вышел на площадку. До команды «Мотор!» оставалось прилично времени, команда неспешно налаживала свет и звук.

Режиссёр Ван по привычке кого-то распекал, но при виде Юань Шана его суровое лицо заметно смягчилось. Поначалу он опасался, что внезапная мировая слава вскружит парню голову и тот начнет капризничать, срывая смены. Но реальность превзошла все ожидания. Работая по четырнадцать часов в сутки, Юань Шан умудрялся приезжать раньше всех. Невероятный талант, подкрепленный железной дисциплиной, — золотой стандарт, о котором мечтает любой режиссер. Парень был идеален во всем. Если бы не одно досадное «но»...

Исполнительница роли второго плана Е Чжэнь, тоже пришедшая ни свет ни заря, сидела на корточках за камерой и уплетала рисовый отвар. Заметив приближающегося Юань Шана, она мгновенно вскочила, выпрямилась и нацепила маску утонченной примадонны. Парень весело подмигнул ей, поздоровался с режиссерской группой и, достав из сумки Сунь Ханцина небольшую баночку, протянул девушке:

— Тётушки передали из дома соленья к каше. Попробуешь?

Е Чжэнь встретила с ним взглядом. Ее щеки тут же залил густой девичий румянец. Кокетливо опустив ресницы, она приняла гостинец и тихонько прошептала:

— Спасибо большое...

«Опять двадцать пять!» — обреченно подумал Ван. И куда подевалась та пацанка, которая обычно дрыхла на раскладушке, закинув ноги на стол? Режиссер посмотрел на суровых баб из съемочной группы, которые при виде Юань Шана внезапно превращались в тургеневских барышень, и мысленно взмолился о пощаде.

«Безнадежны. Все до единой».

<http://bllate.org/book/20476/2149246>